

4 Сталин, И. В. Сочинения: в 18 т. / И. В. Сталин. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. – Т. 4. – 488 с.

5 Документы внешней политики СССР: в 22 т. – М.: Гос. изд. полит. лит, 1958. – Т. 2. – 806 с.

6 Dmowski, R. *Polityka Polska i odbudowanie Panstwa*. Wydanie drugie / R. Dmowski. – Warszawa: Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1926. – 534 s.

7 Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991). Зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. – Мінск: «Юніпак», 2008. – Т. 1, ч. 1. – 540 с.

8 «Красная книга». Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях 1918–1920 г. – М.: Государственное издательство, 1920. – 112 с.

9 Лазько, Р. Р. *Беларуская буферная рэспубліка ў палітыцы савецкай Расіі ў пачатку 1919 года* / Р. Р. Лазько // *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. – 2006. – № 2. – С. 3–10.

УДК 94(100) «1914/.19»

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ПРИЧИНЫ И ЗНАЧЕНИЕ

Г. И. БЛИЗНЕЦ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

В преддверии 100-летнего юбилея революции споры об Октябре 1917 г. принимают близко к сердцу представители всех поколений – от ветеранов до студентов, что вполне объяснимо. Октябрьская революция принадлежит к тем важнейшим событиям мировой истории, которые постоянно будут волновать людей, вызывать их большой интерес и жаркие дебаты. Почему? Во-первых, непреложным остается факт, что тысячами незримых, но прочных нитей каждый из нас связан с теми Октябрьскими днями, которые «потрясли мир», положив начало новой эпохе в истории не только нашей страны, но и других народов, эпохе и героической и трагической одновременно. Во-вторых, никто не отменял формулу «кто владеет прошлым, тот владеет будущим».

Была ли Октябрьская революция неизбежна и закономерна или явилась неожиданной случайностью, результатом верхушечного переворота, совершенного горсткой заговорщиков, прервавшего «нормальный», естественный ход исторического развития страны? Не разумнее ли было бы остановиться на февральских рубежах? Существовали ли какие-либо альтернативы Октябрю и не были ли осенью 1917 года упущены

возможности мирного развития событий? Следовало ли большевикам торопиться с взятием власти, нельзя ли было действовать иными, не революционными методами?

В разногласии мнений об Октябре нередко звучат поверхностные суждения, уводящие в сторону от познания истины. Встречаются попытки представить Октябрьскую революцию, да и всю последующую историю страны как ошибку, трагическую случайность. Сомнений нет: спор, дискуссия, столкновение мнений – идеальная среда для выяснения истины, в том числе исторической. Проблема состоит в том, чтобы в этих спорах выбрать научно обоснованную позицию, не поддаваться эмоциям, мыслить «без гнева и упрека», как напутствовал историков Тацит.

Мы нуждаемся в серьезном, глубоком переосмыслении пройденного советским обществом пути, в преодолении многих устоявшихся стереотипов. Но в переосмыслении, а не в огульном перечеркивании в угоду конъюнктурным поветриям всего накопленного народом за век чрезвычайно разностороннего опыта, изображении его как сплошной цепи нелепых случайностей и трагических просчетов. Нам нужна историческая правда во всей ее сложности и противоречивости.

Изначально содержание революции идеологизировали, о ней писали все – от ультралевых до ультраправых. Традиционно, сошлемся на мнение историка В. Никонова, все авторы делятся на пессимистов и оптимистов. Пессимисты убеждены, что предреволюционная Россия находилась в глубоком системном кризисе, ее социально-экономическая и политическая структура была устарелой и неререформируемой, старая власть – недееспособной. Огромное общественное неравенство усугубляло проблему бедности, народные массы нищали. Оптимисты уверены, что строй позднимперской России после Великих реформ 1860-1870-х гг. и преобразований 1905-1906 гг. обеспечивал хорошие условия для поступательного развития страны на основе частной собственности, рыночной экономики и формирующихся основ гражданского общества. Революция стала следствием случайных событий, в частности, мировой войны [1, с. 14-15].

Действительно, еще французский экономист Э. Тэри в 1914 г. утверждал, что если бы у России дела шли так же, как между 1900 и 1912 гг., то к середине XX в. она стала бы «доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях». Всего за 50 лет своего развития капитализм существенно продвинул страну вперед в экономическом, главным образом промышленном отношении. К началу мировой войны Россия занимала 5-е место в мире по общему уровню производства промышленной продукции, при этом темпы роста ее промышленности были выше, чем в США.

Но тем не менее она отставала от передовых стран Запада в индустриальном отношении. Русский капитализм не решил задачу индустриализации страны, заложив лишь ее основы. При этом индустриальный прогресс был куплен ценой разорения деревни. Капиталистические методы хозяйствования не коснулись крупнейшего в мире госсектора, представленного казенными заводами, работавшими на оборону. Великая держава не обладала развитым машиностроением, поэтому не могла обеспечить население даже товарами народного потребления. В сельском хозяйстве преобладали формы примитивного капитализма, существовали остатки крепостничества – худшей разновидности феодализма. В публицистике подчеркивается, что в 1900-13 гг. Россия была крупным экспортером зерна, почти не уступая в этом США, но экспорт зерновых осуществлялся за счет недопотребления, недоедания широких народных масс.

Меньшевики надеялись, что русский капитализм, освободившись от прогнившей политической надстройки царского режима, выполнит свою историческую миссию по модернизации страны. Но история не предоставила ему такой отсрочки, а имевшиеся возможности русской буржуазией не были использованы.

Анализируя причины Октября 1917 г., автор воспользуется мыслью теоретика революций Дж. Голдстоуна о наличии пяти ключевых условий, соединение которых приводит к революции:

- кризис власти, при котором государство воспринимается элитами и массами как неэффективное и несправедливое;
- кризис во взаимоотношениях между элитами, приводящий сначала к их отчуждению, потом разделению и, наконец, к резкой поляризации на отдельные фракции, каждая из которых имеет противоположное представление о путях дальнейших преобразований;
- кризис народного благосостояния, при котором городские и / или сельские слои с трудом поддерживают свои стандарты жизненного существования с помощью привычных средств;
- возникновение коалиции части элит и народных масс в их атаке на государственную власть;
- существование той или иной оппозиционной идеологии, которая соединяет элиты и массы в борьбе с властью, оправдывает эту борьбу и предлагает альтернативное видение будущего порядка [1, с. 12].

Все перечисленные факторы существовали в России осенью 1917 г. Серьезные исследователи уже не оспаривают тот факт, что третью российскую революцию сделали неизбежной участие России в Первой мировой войне, нежелание Временного правительства пойти навстречу чаяниям масс, заключив мир и решив вопрос о передаче крестьянам

помещичьих земель, быстро надвигающаяся экономическая катастрофа и начавшийся распад общества.

О последнем, пожалуй, никто не сумел сказать лучше, чем английский писатель Герберт Уэллс. «В конце 1917 года, – констатировал он, – Россия пережила такой всеобъемлющий крах, какого не знала ни одна социальная система нашего времени. Когда правительство Керенского не заключило мира и британский военно-морской флот не облегчил положения на Балтике, развалившаяся русская армия сорвалась с линии и хлынула обратно в Россию – лавина вооруженных крестьян, возвращающихся домой без надежд, без продовольствия, без всякой дисциплины. Это было время разгрома, время полнейшего социального разложения. Это был распад общества. Во многих местах вспыхнули крестьянские восстания. Поджоги усадеб часто сопровождалась жестокой расправой с помещиками. Это был вызванный отчаянием взрыв самых темных сил человеческой природы, и в большинстве случаев коммунисты несут не большую ответственность за эти злодеяния, чем, скажем, правительство Австралии» [2, с. 28].

Фактический развал армии привел к появлению сотен тысяч дезертиров, невиданному разгулу преступности. Война резко активизировала массы российских люмпенов. Одновременно она многократно расширила сферу влияния люмпенской психологии, в той или иной мере подчинив ей миллионы вырванных из привычной среды солдат, матросов, дезертиров, беженцев с оккупированных немецкими властями территорий. На этой мощной социальной базе нарастали анархические тенденции. Слабое Временное правительство не могло им эффективно противостоять. Среднеразвитая система русского капитализма не выдержала испытания войной, вступила в полосу затяжного и острого кризиса, который к осени 1917 г. принял формы распада – распада не только самих капиталистических отношений и производительных сил (промышленности, транспорта) и финансов, но и функционирования всего народнохозяйственного организма. Россия шла навстречу общенациональной катастрофе. 1917 год показал, что русский капитализм исторически себя исчерпал, как и предвидел в 1884 г. Г. В. Плеханов, написав, что он отцветет, не успев окончательно расцвести. Он самодискредитировал себя в глазах широких народных масс.

Осенью 1917 года Россия стояла, на наш взгляд, перед выбором не между диктатурой пролетариата и парламентской демократией, а между левой или правой диктатурой. Февральская революция привела к власти неопытное, неустойчивое правительство, пытавшееся руководить расколотым обществом, проводя в то же время непопулярную политику.

Крупная буржуазия, кадеты, не желая кончать войну, теряли шансы упрочить свои позиции демократическими методами, последовательно «правели», переходили к все более острым формам классовой борьбы. Расстрел июльской демонстрации в Петрограде сделал необратимым

процесс сползания страны к новой революции и гражданской войне, раскол общества на два непримиримо противостоявших друг другу враждебных лагеря. Не удалось реализовать единственный серьезный шанс избежать кровопролития – блок левых партий. Правые эсеры и меньшевики предпочли сохранить союз с кадетами, разделив, в конечном счете, их судьбу.

В изучаемый момент в России не оказалось серьезной социальной базы для демократии либерального толка. Страна признавала лишь твердую руку и крутые меры. Почему? Во-первых, российское общество являлось многоукладным. Это означало, что разрыв между «верхами» и «низами» может дойти до раскола. Их политическая культура не имела точек соприкосновения (конструктивных), у них были совершенно различные представления о свободе и демократии (народовластии). Во-вторых, разговоры о либеральных ценностях в крестьянской стране абсурдны. В России был капитализм, который интенсивно развивался, но не хватало того, что С. Франк называл «буржуазным мирозерцанием» или, по М. Веберу, «духа капитализма». Другая этика, другая мораль, другое жизнепонимание [3, с. 20]. В-третьих, опираясь на логику исторических фактов, подробно изученных, расписанных буквально по дням, следует согласиться с выводами, сделанными на основе анализа этих фактов еще тридцать лет назад Научным советом по Октябрьской революции: события 1917 г. погружали страну в состояние хаоса, анархии [3, с. 21]. Вопрос стоял так: вывести страну из этого состояния может только диктатура.

Какая диктатура – левая или правая? В данном контексте следует остановиться на роле личности в истории, в частности на феномене Ленина, который обладал волей к власти, превосходившей волю всех его оппонентов. «В то время, как члены семьи Романовых один за другим отказывались от власти, в то время, как кадеты и эсеры один за другим уходили в отставку с министерских постов во Временном правительстве, Ленин был готов отстаивать власть любой ценой» [1, с. 906]. Лидером масс мог стать автор аграрной программы эсеров В. М. Чернов, но в его характере не было необходимой решительности, оставались те, кто был левее: Ленин и Троцкий стали вождями масс.

В связи с этим интерес представляет монография «Русская революция 1917 года» Рекса Уэйда, профессора университета в Джордж Мейсоне, в которой он ищет ответ на вопрос: чем могла закончиться революция, если бы не этот исключительный индивидуум – Ленин? Ход рассуждений Уэйда это четыре основных момента.

Первый – о Ленине в 1917 г. Большевицкая партия была разобщена и дезориентирована, пока не возвратился в апреле Ленин, который дал своим коллегам установки и волю к действию.

Второй – о Ленине в Октябре. В среде большевиков замешательство и колебания накануне Октября, но за ними стоит Ленин, который выработал план, звал и толкал их вперед, не пренебрегая никакими доступными средствами во имя захвата власти его партией до II съезда советов, собравшегося 25 октября.

Третье размышление касается роли Ленина в русской истории до революции. Именно Ленин, по сути один, создал большевистскую партию, выработал организационные принципы, идеологию и мораль, а также стратегию. Невозможно представить существование партии без него.

Четвертое – Ленин придал деятельности партии осмысленный характер, направив ее к однопартийной диктатуре в надежде на мировую революцию. Одним из проявлений гения Ленина была способность уловить взаимосвязь войны и политики, осознать единство этих различных процессов. К 1914 г. Ленин пришел к пониманию того, что главным двигателем революции является не классовый конфликт – доминирующая категория у Маркса, а война. Промышленно развитые страны Западной Европы он считал, пишет Уэйд, созревшими для социалистической революции, но неспособными произвести ее самостоятельно. Революция же в отсталой России послужит искрой, чтобы разжечь социалистическую революцию в передовых странах; более того, эта революция дает единственный выход из ада мировой войны [4, с. 168]. Лидер кадетов, историк П. Милюков только в эмиграции признает, что последствия войны на фронте и внутри страны заранее расположили народные массы в пользу тех, кто явился самым смелым отрицателем войны – и вместе с тем оказался отрицателем Февральской революции. «Война в этом смысле приготовила народ к октябрьской революции», – напишет он [5, с. 49].

Октябрьские события одновременно дают повод подумать о случайности (не случайности) грубой ошибки А. Керенского, связанной с неправильным выбором времени и недостаточной решительностью его действий (Корнилова спровоцировал Керенский). Личностный фактор проявился и в том, что он в июле-августе 1917 г. не уничтожил Советы. Керенский в 1917 г. не сделал того, что сделал Соареш в 1975-1976, Б. Ельцин в 1991 и в 1993 гг. Другими словами, это показывает также роль удачи, которая сама по себе часто состоит в выборе правильного момента. Мы признаем роль удачи, важность ее в личной жизни, но не склонны, считает известный американский профессор Пенсильванского университета Дж. Энтин, допускать ее участие в великих исторических событиях. Происшествия, из которых составляются великие события, почти столь же трудноуловимы, как частицы атомного ядра [4, с. 168].

Российский 1917 год открыл цикл революций в крестьянских странах, которые в XX веке вступали на путь модернизации. В них возникают новые вызовы, на которые старая дискредитировавшая себя власть не могла

ответить. И постепенно накапливается внутреннее напряжение, приводящее к революционному взрыву. Среди причин, обусловивших революционные события, следует сделать упор не на объективные предпосылки, а на то высокое социальное напряжение, которое существовало в стране, где за 12 лет произошло три революции, вовлекшие в свою орбиту десятки миллионов людей. Разве это могло быть случайным обстоятельством?

В 1917 г. в России массы не объект, а субъект политики: самостоятельно существовали движения рабочих, крестьян, буржуазии, солдат. Ими двигало неодолимое стремление к переменам, социальной справедливости, улучшению и обновлению своей жизни, к закреплению и развитию демократических завоеваний. Поскольку Временное правительство не смогло удовлетворить чаяний этих масс, они левели, радикализировались, проникались антибуржуазными настроениями (сам термин «буржуй» не имел классового содержания, а являлся негативной оценкой деления общества на «низы» и «верхи»). Осенью 1917 г. большинство народа, поставленное перед выбором – власть Советам или диктатура контрреволюционной военщины (корниловский мятеж) – сознательно встало на сторону большевиков. В Октябре массы боролись за утверждение народовластия, а не за социалистический выбор. Социалистический характер революции придавала руководящая роль рабочего класса, возглавляемого партией большевиков в блоке с левыми эсерами.

Россия 1917 года не созрела для социализма, внутренних условий для его победы в стране не было. В этом смысле Октябрьская революция произошла не «по Марксу», она произошла «по Ленину». Социалистический проект Ленина не предусматривал немедленное «введение» социализма в России, поскольку страна не созрела экономически, речь шла о постепенных переходных шагах и мероприятиях, ведущих к социализму (национализация банков, монополий и земли, контроль над производством и т. п.).

Центр тяжести в своем обосновании необходимости революции Ленин перенес на анализ конкретно-исторических факторов, поставивших в повестку дня переход России к социализму. Среди них два главных: первая мировая война и отсталость страны. По мнению Ленина, высказанному им в сентябре 1917 г., война так ускорила развитие, что «за три года подтащила нас вперед лет на тридцать...» [6, с. 113]. Отсталость, относительная слабость капитализма облегчили его революционный штурм, в частности и тем, что пролетарская революция против буржуазии соединилась с крестьянской против помещиков. «Наша отсталость, – подчеркивал Ленин, – двинула нас вперед» [7, с. 235].

Логика Ленина ясна и понятна: раз страна отстала, войной и разрухой поставлена на грань национальной катастрофы и при этом обладает мощным революционным потенциалом, надо революционным путем

видоизменить обычную историческую последовательность. Не ждать «полного» созревания материальных предпосылок социализма, а сначала свергнуть буржуазию, неспособную обеспечить прогресс страны, установить рабоче-крестьянскую власть, а затем на основе этой власти двинуть вперед производительные силы. Залог социального возрождения страны большевики видели в разрыве с капитализмом, революционном обновлении всех сторон общественной жизни.

Проект Ленина представлял собой не план «осчастливливания» народа, а программу практического выхода из кризиса буржуазно-помещичьего строя, из войны и разрухи. Октябрьская революция представляла собой отличный от западноевропейского вариант пути к современной индустриальной цивилизации. Наш народ выстрадал Октябрь, пройдя перед этим через тернии двух буржуазно-демократических революций и понял, что иначе ему не удастся очистить страну от завалов средневековья. Но можно ли утверждать, что осенью 1917 г. народ сделал социалистический выбор? До сих пор не завершился спор о том, какая часть населения поддержала социалистическую революцию: весь народ, большинство или подавляющее большинство? Революцию совершил пролетариат в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке всего крестьянства, заинтересованного в ликвидации помещичьего землевладения. Это обстоятельство не дает исчерпывающего ответа на вопрос о социалистическом выборе.

Неоднозначно отношение к Октябрьской революции, ее целям и задачам было и сто лет назад и сегодня у различных слоев населения и исследователей. Разброс политических взглядов определяется историческими, географическими, национальными и множеством других факторов. Сама революция представляла собой сложнейшее переплетение различных течений и направлений, туго завязанный узел классовых, общедемократических, общенациональных тенденций, многослойное сочетание объективного и субъективного, позитивного и негативного. Здесь и социалистические идеалы рабочего класса (весьма неоднородного по своему составу), и специфические требования крестьянства (еще более неоднородного по социальной стратификации, а также по региональным условиям), и стремление народов к равноправию и самоопределению, и общее для большинства граждан, но по-разному понимаемое желание демократии, очевидная и острая тяга к миру в сочетании с патриотическими настроениями. Подводя итог, мы аргументировано можем утверждать, что Октябрьская революция была исторической необходимостью, а не трагической случайностью.

Пока «приговор» истории не произнесен, споры историков по поводу оценки изучаемого, – пишет Н. И. Смоленский, – есть бесконечный поиск истины – только в связи с временем прошлого, настоящего и будущего;

разорвать его не дано никому [8, с. 170]. Такова природа относительной истины, с какой историк имеет дело, и которая является двигателем прогресса в науке. На примере векового исследования исторического смысла Октябрьской революции мы убеждаемся в относительности исторического познания. Как справедливо замечал классик социологии Карл Поппер, «не может быть истории «прошлого в том виде, как оно действительно имело место», возможны только исторические интерпретации, и ни одна из них не является окончательной. Каждое поколение имеет право, а в каком-то смысле и обязано это делать, чтобы удовлетворить свои насущные потребности» [1, с. 28].

В XXI веке мы отказываемся от рецидивов мессианства и эйфории в трактовке этой проблемы. Мы перестали твердить, что проложили магистральный путь к социализму. Прав академик П. Волобуев: наша революция пробила первую брешь в капиталистической системе, проложив, как оказалось, далеко не лучший путь к социализму, но и это по всем историческим меркам уже немало. Следовательно, человечество, как и после Великой французской революции, сделало громадный исторический шаг вперед, хотя при сталинизме были попятные и боковые движения. Без этой революции, без ее идеалов, без ее сражений, оплаченных кровью защитников и врагов, мир был бы другим, полагаем, менее человечным и социально перспективным. Главный итог революции – народные массы пришли в движение во всем мире.

Список литературы

1 Никонов, В. Крушение России / В. Никонов. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 926, с.

2 Бакулин, В. Ленин и стихийный социализм в России / В. Бакулин // Коммунист. – 1990. – № 15. – С. 27-32.

3 Февральская революция 1917 г. в российской истории. «Круглый стол» // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 3–30.

4 Энтин, Дж. К истолкованию русской революции 1917 г. / Дж. Энтин // Вопросы истории. – 2012. – № 8. – С. 161–168.

5 Милюков, П. Почему большевики взяли верх? / П. Милюков // Коммунист. – 1990. – № 15. – С. 48-59.

6 Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 34.

7 Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 35.

8 Могильницкий, Б. Г. История, логика и проблемы современного научного знания / Б. Г. Могильницкий // Вопросы истории. – 2014. – № 4. – С. 169 – 171.